

Лицо господина У исказилось от ужаса. Не успел он и слова вымолвить, как Лин Си уже сорвал пробку с кувшина и, запрокинув голову, стал пить. Прозрачное, чистое вино скользило по его губам, а в каждом движении чувствовались вольность и дерзкая непринуждённость.

Он осушил кувшин залпом. Затем перевернул его горлышком вниз - не упала ни единая капля.

На площади воцарилась мёртвая тишина. Все присутствующие будто разом оказались утками, которых схватили за горло: долгое мгновение никто не мог выдать из себя ни звука.

Юноша вольно и уверенно вскинул брови и обратился к господину У:

— Теперь твоя очередь исполнить обещание.

Холодный пот мгновенно выступил у того на висках. Ноги сами собой попятились назад, лицо окаменело, язык словно одеревенел, а в груди поднялась паника.

— Bravo!

Чей-то громкий возглас разорвал тишину, и следом раздались одобрительные крики. Крепкие, рослые мужики не могли осилить и десяти чашек, а хрупкий на вид гер выпил целый кувшин - такое зрелище кого угодно заставило бы хлопать в ладоши.

Особенно же ликовали геры, которых обычно презирали и не ставили ни во что: сейчас их сердца переполняла гордость. Сегодня этот юноша по-настоящему прославил всех геров.

Сегодня как раз проходило поэтическое собрание, и многие литераторы и учёные мужи впервые увидели такого дерзкого и широкого душой гера. К тому же он был необыкновенно хорош собой, невольно зарождалась симпатия, и один за другим они изъявляли желание посвятить Лин Си стихи.

Однако Лин Си не испытывал ни малейшего интереса к стихам этих закисших книжников. Он с глухим стуком поставил опустевший кувшин на стол - звук был тяжёлый, отчётливый. Шумная, гомонящая толпа мгновенно стихла.

— Господин У, ты ведь не собираешься отказаться от своих слов? — спокойно спросил он.

Стоило Лин Си это произнести, как взгляды всех снова обратились к господину У, обливавшемуся холодным потом.

— Господин У, неужели вы не держите слово?

— Что же это, играть умеете, а отвечать - нет?

— Мужчина называется, а выходит хуже маленького гера!

Со всех сторон посыпались насмешки и укоры. Господин У сжал кулаки, от стыда и злости у него потемнело в глазах.

— Какое ещё «не держу слово»?! — взорвался он. — Я тебе ничего не обещал! Это ты сам всё выдумал!

Он злобно усмехнулся и продолжил, переходя на откровенные оскорбления:

— Подумаешь, какой-то гер, в одиночку шляется по людным местам, да ещё и пьёт как лошадь. Твой так называемый муж, небось, вообще не существует! Ты просто ищешь повод цепляться к мужчинам!

В тот же миг взгляд Лин Си стал ледяным - острым, как тонкое лезвие, будто готовым срезать с противника плоть слой за слоем.

— Говорить, что с моим вином что-то не так, начал ты; проиграв пари, слово сдержать не захотел тоже ты. А теперь, не желая отвечать за сказанное, ещё и посягаешь на мою честь. Ты хоть понимаешь, что сегодня бросаешь пустые клеветнические слова, а завтра эти слухи способны стоить мне жизни?!

С древнейших времён, чтобы уничтожить женщину, достаточно распусть о ней грязный, похотливый слух. И всё, этого вполне хватает. Не важно, простая ли она деревенская баба или мать целого государства, приём действует безотказно. Каковы бы ни были её заслуги и достижения, стоит очернить её подобной молвой, и в глазах людей она превращается лишь в распутную, недостойную особу.

Лин Си прочёл немало книг и знал: история полна таких примеров. Лишь в эпоху всеобщего краха, когда мир погрузился в бездну, подобные вещи постепенно утратили силу. Когда не гарантировано даже элементарное выживание, так называемая «чистота» теряет всякий смысл, нет ничего важнее, чем просто остаться в живых. Но в нынешнее время, в том мире, где он находился, положение геров было тем же, что и у женщин. Если бы на месте Лин Си оказался обычный местный гер, чьё имя так оболгали, он, возможно, и впрямь не вынес бы позора и пошёл бы топиться в реке.

Воздух словно выкачали. Люди затаили дыхание, не отрывая взглядов от Лин Си. В этот миг он казался высоким и величественным, почти божественным.

Некоторые геры и фуланы словно увидели в этом собственную судьбу. Очнувшись, они обрушились на господина У с яростной бранью. Всю жизнь их сковывали догмы и обрядовые

запреты, они как никто другой знали, насколько важна репутация. Сначала он попытался погубить чужое дело, а когда не вышло, вознамерился уничтожить саму честь человека, довести до гибели.

Подло! Гнусно! Душа у него чёрная и прогнившая!

В господина У полетели гнилые листья и объедки. Его гнали с руганью и побоями, а мольбы о пощаде звучали жалко и панически.

Этот инцидент неожиданно сделал вино Лин Си ещё более знаменитым. Те, у кого в сердце таилась хоть тень сомнения, после того как собственными глазами увидели, как он осушил целый кувшин, окончательно успокоились. Кто-то шёл из-за вина, кто-то из простого упрямства, не желая признавать, что не сможет перепить одного лишь гера. Как бы то ни было, желающих бросить вызов стало ещё больше.

Бабушке У и Люй Чжи наконец удалось протиснуться сквозь толпу, и они торопливо принялись помогать Лин Си.

— Прощу прощения, — спокойно сказал он, отказываясь принять протянутые серебряные слитки, — это был последний кувшин.

Мужчина разочарованно выдохнул:

— Как же так... Я ведь только сейчас добрался до очереди!

— Юный фулан, — поспешно спросил он, — вы придёте завтра?

Остальные тут же наострили уши, боясь пропустить ответ.

Лин Си махнул рукой:

— Вино это варится по сложной технологии, выход получается очень маленький, да и времени требуется куда больше, чем на обычное. В ближайшее время я больше выходить с ним не смогу.

— Что?! Значит, я больше никогда не выпью такого вкусного вина?!

— Неудивительно, что цена такая высокая. Медленная работа - тонкая работа, оно того стоит.

Несколько хозяев магазинов, которых раньше унесли пьяными, едва придя в себя, тут же в панике погнались приказчиков бежать и скупать вино Лин Си. Такое редкое вино - да на нём же

можно озолотиться!

Вот потому-то и говорят, что люди, умеющие торговать и держать магазины, мыслят быстрее обычных - голова у них работает иначе.

Но, увы, очнулись они слишком поздно. Когда приказчики в спешке примчались обратно, вина у Лин Си уже не осталось. Итог был очевиден: не повезло никому, кроме него самого.

— Что значит «закончилось»?!

— Как мы теперь будем отчитываться?!

Среди толпы приказчиков всё же нашлись несколько сообразительных. Они украдкой сунули Лин Си записки и с улыбкой проговорили:

— Если уважаемый гер вновь сварит новое вино, прошу первым делом связаться с хозяином лавки «Пинлэфан» с восточной улицы.

— По цене всегда можно договориться.

Где есть первое, там будет и второе: не прошло и минуты, как у Лин Си набрался целый ворох записок. Среди них попадались и такие, где управляющие незаметно подсовывали ему серебро, пусть немного, «на стакан чаю в жару», но, как говорится, и комариная ножка - мясо.

Люй Чжи и бабушка У стояли рядом совершенно ошеломлённые. Да уж... они боялись, что вино не продается, а в итоге торговля пошла так бойко, что люди сами суют деньги вперёд, лишь бы забронировать партию.

— Лин Си, почему ты отказываешься? — Люй Чжи с болью смотрел, как тот решительно отвергает серебро тех, кто пытался заранее заказать вино. — Это же куча денег!

Лин Си спокойно собирал прилавок и пояснил:

— Ценность вещи в её редкости. Если её слишком легко получить, в чём тогда интерес? А богатые господа и их жёны как раз любят соревноваться: чем труднее досталось, тем слаще кажется.

Люй Чжи вроде бы что-то понял, но не до конца. Бабушка У и вовсе смотрела с полным недоумением.

Лин Си приподнял уголки губ:

— Это называется «маркетинг дефицита».

— Разве вы не хотели посмотреть на поэтическое собрание и на выбор «Госпожи Личи»? — с удивлением спросил Лин Си, глядя на двух людей, которые вели себя подозрительно, переглядывались и явно торопились поскорее вернуться домой.

Бабушка У, у которой, как говорится, полжизни уже за плечами и одной ногой она в земле, впервые увидела столько серебра, как тут не быть осторожной. Она тут же заторопила Лин Си:

— Не будем смотреть, не будем, ничего в этом интересного. Пойдём скорее обратно, темнеет, небезопасно.

Люй Чжи поспешно закивал:

— Да-да-да, Лин Си, смотри за мешком повнимательнее. Чем раньше вернёмся, тем спокойнее будет.

— Вы боитесь, что нас ограбят? — наконец догадался Лин Си.

Оба словно одновременно напряглись всем телом. Бабушка У тут же всплеснула руками:

— Тьфу-тьфу-тьфу! Нечисть не в счёт, плохое не сбывается. Мальчишка, не говори глупостей, пусть бодхисаттва этого не услышит.

Перед ним будто стояли две перепуганные птицы, вспугнутые выстрелом. Лин Си беспомощно улыбнулся: он и сам боялся, что постоянное напряжение их вымотает.

— Ладно, пойдём домой. И брат Хо один дома... я тоже немного за него переживаю.

Стоило ему упомянуть Хо Цзюя, как их внимание тут же переключилось, и они начали подшучивать над Лин Си:

— Какие же вы дружные.

Лин Си на мгновение задумался, потом широко улыбнулся:

— Правда? А я как-то не замечал. Я ведь всё время брата Хо злю.

Услышав это, Люй Чжи с любопытством спросил:

— Ты такой трудолюбивый, толковый и воспитанный, а далан - человек немногословный... Неужели ты и правда умудряешься его сердить?

Бабушка У была не менее удивлена: во-первых, Хо Цзюй совсем не походил на того, кто легко выходит из себя, а во-вторых, в её глазах Лин Си был сущим паинькой, с чего бы ему кого-то раздражать?

— Я и сам часто не понимаю, почему он злится, — Лин Си почесал затылок и, желая прояснить собственные сомнения, привёл пример. — Однажды он хотел меня поцеловать, а я не сразу сообразил и оттолкнул его. Потом дошло, я спросил, не это ли он собирался сделать, и он разозлился.

Старший гер и бабушка, услышав такое из уст младшего, оба залились краской и изумлённо вытаращили глаза. Лин Си слишком смелый! Разве можно обсуждать такое среди бела дня? Да ещё при таком количестве людей вокруг - не боится, что услышат?

И... и вообще, им-то позволено это слушать?

Лин Си моргнул и выжидающе посмотрел на них, ожидая разъяснений. Столкнувшись с его чистым, ясным взглядом глаз феникса, Люй Чжи поспешно начал обмахивать себя ладонью и уставился в небо:

— Какое же сегодня палящее солнце...

Бабушка У, прожившая на свете уже больше полувека и потому куда менее стеснительная, чем Люй Чжи, кашлянула и сказала:

— Кхм... он, скорее всего, вовсе не рассердился.

Лин Си озадаченно наклонил голову:

— Но он же ушёл быстрым шагом.

Бабушка У посмотрела на простодушного, наивного Лин Си и невольно пожалела рослого, почти двухметрового мужчину:

— Он просто смутился.

От этих слов Лин Си словно озарило. Вот оно что, он ведь и правда ничего плохого не сделал, с чего бы Хо Цзюю сердиться. Оказывается, тот просто сам засмутился.

Люй Чжи добавил сбоку:

— С его характером это скорее было смущение, перешедшее в досаду.

Все трое переглянулись и рассмеялись.

А Хо Цзюй, который тем временем послушно занимался домашними делами, вдруг почувствовал, как зачесался нос, опёрся на стол и громко чихнул:

— Странно... с чего бы простудиться в такую погоду?

— Тук-тук-тук! Далан, ты дома?

Хо Цзюй вышел навстречу:

— Да.

Он открыл дверь - за порогом стояла Чжао Даньгуй с корзиной в руках, будто собиралась в огород.

— Тётушка Даньгуй, проходите, пожалуйста, — Хо Цзюй посторонился, приглашая её войти.

Во время строительства дома Хо Цзюя тётушка Чжао Даньгуй помогала с готовкой. За это время она успела понять, что, несмотря на внушительный рост и крепкое телосложение, Хо Цзюй на самом деле человек мягкий и сговорчивый, совсем не такой свирепый, каким его расписывали на стороне.

— Я заходить не буду, — с улыбкой отказалась она. — Скажу пару слов, и мне ещё в огород надо.

Затем она продолжила:

— Сегодня наш зять привёз Ли-эр, и по дороге передал: твой кузен велел передать твоему фулану одну весть. Говорит, всё готово.

Хо Цзюй на мгновение задумался и вспомнил, как Лин Си прежде «уболтал» его двоюродного брата Чжоу Яня смастерить какую-то вещь. Кажется, называлось это...

Водяное колесо.

С тех пор как пять му земли снова перешли в его руки, все заботы по прополке, поливу и уходу за полями легли на них самих. Хо Цзюй был ограничен в движении: доктор Цинь строго-настрого велел ему не браться за тяжёлую работу, а тем более за полевые труды. Поэтому ежедневный полив посевов приходилось полностью поручать Лин Си. К счастью, у того была поразительная выносливость: днём - перегонка вина, ночью - забота о поле. Обычному человеку такое было бы не под силу, тем более что участок находился далеко от реки и воду приходилось носить вёдрами, исключительно вручную.□□

Да, Лин Си нарочно выбирал для полива ночное время: у него было отличное ночное зрение, по ночам стояла прохлада, вокруг ни души, так что он мог незаметно черпать воду большими чанами, не опасаясь, что кто-нибудь увидит.

— Понял, спасибо вам, тётушка Даньгуй, — ответил Хо Цзюй.

Чжао Даньгуй уже было развернулась уходить, как вдруг хлопнула себя по лбу:

— Ах да, чуть не забыла! Лин Си на днях говорил, что хочет завести кур и уток. У дяди Юя как раз вывелись цыплята. Если ему нужно, пусть завтра с утра зайдёт ко мне, я его отведу.

— Хорошо, спасибо, тётушка Даньгуй, — согласился Хо Цзюй.

— Да не за что, — отмахнулась она и, подхватив корзину, торопливо ушла.

Хо Цзюй закрыл ворота и, возвращаясь в дом, невольно задумался: почему Лин Си ни словом не обмолвился ему о том, что хочет завести птицу? В груди вдруг стало тесно и глухо, словно что-то сдавило. Он остановился у порога, тяжело вздохнул, затем вошёл внутрь, налил себе чашку холодного чая и залпом выпил её до дна, но и это не принесло облегчения.

Лето и вправду было невыносимо душным и тягостным.

<http://bllate.org/book/13580/1301671>